

Она остановилась, глядя на учебник в руке, и её тут же заболела голова. Последние несколько дней приходилось только и делать, что зубрить текст, в этом не было ни малейшего веселья, и даже поговорить было не с кем. Вспомнив, что в Шушань остался кто-то, кто сопровождал её, она почувствовала, как в сердце сама собой поднимается нежность. Они не виделись уже несколько дней, интересно, как там Сяо Чэнь?

Си Чэнци вышла из той постоянной двора и узнала, что этот человек заходил туда, но еще вчера его увела какая-то женщина. Во взгляде мгновенно вспыхнула опасная искра: увела...

Взглянув на Си Чэнци, которая бормотала что-то себе под нос, Аобумяо подумал: Сяо Ци, до чего же всё огромное, где теперь искать этого человека? Опустив кошачьи уши, он почувствовал, как воздух вокруг вдруг резко похолодал на несколько градусов. Оглядевшись по сторонам, он ничего особенного не заметил, зато увидел, что Си Чэнци немигающе смотрит в одну точку. Мысленно гадая, что же стряслось с этой женщиной, он проследил за её взглядом.

Доктор! Доктор! Умоляю, спасите моего мужа! Он... он и вправду при смерти!

У входа в лечебницу женщина в белых одеждах горько умоляла о помощи, её лицо было залито слезами. Однако пожилой лекарь за пятьдесят лишь бросил мимолетный взгляд на мужчину, лежавшего на носилках рядом, и с беспомощным вздохом покачал головой: Госпожа, дело не в том, что старик не хочет помочь, просто его недуг слишком странен — за столько лет врачебной практики мне еще не доводилось видеть подобного. Эх... лучше поищите другого мастера...

Умоляю вас, доктор!

Уходите... уходите... — тяжело вздохнув, пожилой лекарь оттолкнул руку женщины, вцепившуюся в полу его одежды, и, не обращая внимания на её мольбы, захлопнул деревянную дверь.

Глаза женщины покраснели, она оцепенело смотрела на старую деревянную дверь, и в этот момент горе прорвало плотину, заставив её рухнуть на тело мужа и зарыдать в голос.

Эй, Сяо Ци, мы будем спасать его или нет? — однако, заметив ледяное выражение на лице Си Чэнци, Аобумяо замолчал. Он становился всё более сентиментальным, а это ни к чему хорошему не приведет!

Поиски людей

Скучает ли она по Сяо Ци? Немножко.

Жалеет ли, что сбежала? Тоже немножко.

Хочет ли прибить эту паршивую кошку? До безумия.

Цзю Иэр смотрела на снующую туда-сюда толпу. По идее, ей следовало радоваться, но неизвестно почему на душе скребли кошки. Она тупо глядела на шумное скопление людей, спрашивая себя, зачем вообще надо было убегать? Это же верный путь к собственной гибели.

Нин Цайчэнь заметила Цзю Иэр, когда та ушла в глубокие мысли. Она вдруг подумала, что эта женщина ужасно забавная: как можно даже на ходу витать в облаках? Удержаться от желания подразнить её было невозможно, поэтому Нин Цайчэнь подошла ближе и спросила:

О чем это ты так задумалась? О своём благоверном?

Цзю Иэр только тут заметила идущую рядом Нин Цайчэнь. Эта девчонка вечно куда-то бегала и то и дело пропадала из виду: обещала взять её с собой развлекаться, а сама ускакала веселиться на полную катушку. Просто невыносимая девчонка!

Какой еще у меня благоверный? Эта девушка пока еще свободна, прекрати молоть чепуху! К тому же, ты ведь сама обещала поводить меня повсюду, а вместо этого убежала вперед так, что и след твой пропал. В голосе Цзю Иэр сквозило откровенное раздражение, и если бы взглядом можно было убить, то от Нин Цайчэнь, пожалуй, остались бы одни голые кости.

Впрочем, такой ответ вполне укладывался в её ожидания.

Я ведь давным-давно здесь не была, вот и решила разведать, где лучше всего развлечься, чтобы мы потом могли повеселиться от души.

Правда ведь? — говоря это, она попыталась закинуть руку на плечо Цзю Иэр, но та безжалостно сбросила её ладонь.

Хм, ты... до чего же ты невыносимая! — заметив, как её руку с презрением оттолкнули, Нин Цайчэнь ничуть не расстроилась, напротив, ей захотелось подразнить эту недотрогу еще сильнее.

Не ищи смерти — не умрешь. — Снова заметив протянутую лапу, она безжалостно повторила шлёп! — и в тишине отчетливо прозвучавшую пощечину.

Еще раз ударишь — больше не буду тебя выгуливать. — Стоило Нин Цайчэнь это произнести, как она заметила, что выражение лица стоявшей перед ней девушки снова помрачнело.

Услышав слова Нин Цайчэнь, Цзю Иэр расстроилась еще сильнее. Она подумала: если бы тогда она просто спокойно осталась в Павильон И и не бросилась преследовать этого вонючего кота, то сегодня ей бы не пришлось мыкаться здесь.

Заметив, что Цзю Иэр замолчала, Нин Цайчэнь бросила взгляд на её печальные глазки, и в груди у неё шевельнулось странное чувство жалости.

Хотя Цзю Иэр была ростом выше ста семидесяти сантиметров, выглядела она донельзя хрупкой — казалось, дунь ветер, и она рухнет. Сейчас эта девушка казалась ей еще более беззащитной, нуждающейся в заботе и тепле. Видя, как такое тоненькое создание стоит рядом с ней, Нин Цайчэнь поддалась какому-то необъяснимому порыву и выпалила:

Слушай, а давай я угощу тебя леденцами на палочке!

Глядя на человека, который был едва ли на полголовы ниже её самой, она на полсекунды замерла.

Эй! Чего застыла? Разве ты не обещала куда-то меня отвести? Живо за мной!

И надо же такому быть: этот городок хоть и казался крошечным, но располагался на пересечении важнейших дорог, и народу здесь толпилось — не протолкнуться!

Толпа пугала своей теснотой. Идя по базарной площади, Цзю Иэр не сводила глаз с Нин Цайчэнь, смертельно боясь затеряться в людском море и остаться одной. Нин Цайчэнь чувствовала то же самое: глядя на волны напиральной толпы, она одновременно защищала Цзю Иэр и про себя корила за собственную безрассудность — импульсивность и впрямь исчадие ада, иначе с чего бы ей прийти в голову такая глупость, как тащить Цзю Иэр на прогулку в базарный день?

Наконец им удалось протиснуться наружу. Нин Цайчэнь посмотрела на то, как Цзю Иэр с явным удовольствием уплетает за обе щеки леденец, и подумала: а выглядит аппетитно! Наверное, очень вкусно! — Эй, ты съел моё, я тебя ударю! — Нин Цайчэнь не успел съесть толком и пары кусочков, как выплюнул лакомство. Эта штука была ни кислая, ни сладкая — гадость какая-то.

— Так транжирить еду — это позор! — Цзю Иэр защитила оставшиеся леденцы из сахарного тростника, не желая позволять этому парню воспользоваться моментом и испортить ещё парочку.

Посмотрев на женщину пару мгновений, он всё же решил не вмешиваться. К тому же, они так и не нашли одного типа, разве ж тут до того, чтобы притираться к чужим делам?

— Сяо Ци, скажи, мы ведь ищем уже столько времени, почему никак не можем найти? Куда это дохлое исчадие ада запропастилось? — с недовольством почесав кошачью макушку, он чувствовал себя на грани безумия!

Другие могли легко отыскать её с помощью духовной силы, но наваждение какое-то: Цзю Иэр и Сяо Ци какими бы методами ни пользовались, засечь её местоположение не удавалось.

— И что мы сделаем, когда найдём её? — глядя на то, как Си Чэнци совершенно не слушает её, Аобумяо шевелило усами в знак крайнего несогласия.

— Ты, кошка, ещё и нос задираешь? Пошли, я почувствовал ауру той девчонки.

— Наказание... Дай-ка подумать: помиловать её или отправить на холодную женскую половину? — Выслеживая человека вот так, она изогнула губы в улыбке, от которой Аобумяо стало не по себе. Черт побери, теперь тому человеку точно конец.

— Ты говоришь, что чувствуешь её ауру? Где? Дай-ка понюхаю. — Аобумяо подняло голову и огляделось по сторонам, но вокруг царила полнейшая неопределённость, и оно тоскливо посмотрело на Си Чэнци.

— Понюхать-то понюхал, да только воняет потом! — Аобумяо безумно заскреблось лапками, глядя на невозмутимую Сяо Ци, и хлопнуло лапой по её выдающейся груди, за что тут же удостоилось презрительного взгляда.

— Будь ты самцом, я бы с тебя шкуру живьём спустила! — Глядя на кота, повисшего у неё на груди, она беспомощно шлёпнула его по лапке, унимая продолжающие безобразничать лапы.

Аобумяо приоткрыло один глаз и исподлобья окинуло взглядом толпившихся у дороги зевак, наконец выказав крайнее недовольство. Оно терпеть не могло суету, и та женщина, что держала его на руках, наверняка испытывала то же отвращение.

Кот прекрасно помнил, что эта особа терпеть не может подобные шумные места. Однако, подняв голову, он увидел её лицо, от которого у любого мороз по коже драл:

— Ты же больше всего на свете ненавидишь толпу? Чего это ты...

Си Чэнци приподняла брови, а её красивые губы изогнулись в изящной улыбке. Она слегка коснулась головки малыша, устроившегося у неё на руках:

— Пойдём.

— Эй, Нин Цайчэнь, какого чёрта ты нарядил меня в мужское платье?! — глядя в бронзовое зеркало на своё отражение, крайне недовольно возмутилась она.

— Господин, смилуйся над этой служанкой! — Изначально она хотела затащить эту девчонку в какое-нибудь оживленное местечко поглазеть на людей, но стоило той сменить наряд, как она и вправду преобразилась. Только что Цзю Иэр заметила, как стоявшие неподалёку девицы то и дело бросали на неё взгляды, так и норовя проглотить заживо. И поглядите-ка: сколько ни прячь такую красоту, она везде останется в центре внимания.

— Хорошо! Теперь всё отлично! Среди бела дня, под ясным небом, при стольких свидетелях — господин немедленно смилостивится над тобой! — С этими словами она по ходу дела попыталась сорвать с собеседницы одежду. Заметив, что та ещё секунду назад держалась развязно и дерзко, а теперь упирается как целомудренная и неsgiбаемая матрона, Цзю Иэр развеселилась: — Чего это ты убегаешь так далеко? Господин уже готов, дело за тобой!

Цзю Иэр вовсе не собиралась отпускать стоявшую перед ней девчонку — храбрости-то у той оказалось немало!

— Да прекрати ты дурить! Здесь же люди! — глядя на надвигающуюся на неё Цзю Иэр, та подумала: (Кажется, сюжет должен развиваться совсем иначе! Ведь это она первая начала приставать! Автор! Выходи, клянусь, бить не буду!)

— Малышка, а смелости-то у тебя вагон, — Цзю Иэр легко приподняла Нин Цайчэнь за подбородок, из последних сил сдерживаясь, чтобы не рассмеяться и не разрушить образ. Она неумолимо сокращала расстояние, пока их губы не разделил буквально один несчастный сантиметр. В самый последний миг, словно при вспышке кремня, Цзю Иэр отпустила девушку и подозрительно всмотрелась ей в глаза: — Так ты, значит, пассивная сторона?

— Да что ты несёшь вообще?! Я просто сказала, что у меня появился любимый человек, и ничего больше между нами не было! Не придумывай всякую чушь! — Нин Цайчэнь заглянула в зрачки собеседницы, так и не решившись выдержать прямой взгляд. Но этот взгляд Цзю Иэр определённо не сулил ничего хорошего — в нём так и читалось: Я тебе не верю.

Окинув взглядом окрестности и заметив, что некоторые прохожие уже вовсю глазают на них потихоньку, она торопливо расплатилась и, схватив Цзю Иэр за руку, выскочила за ворота.

— Погода нынче совсем не жаркая, а ты вон как покраснела. Уж не весна ли в тебе заиграла? — Тихое шептание прямо на ухо заставляло жар Нин Цайчэнь подниматься всё выше и выше. — Уйди, не хочу с тобой разговаривать!

И в этот самый момент, стоило ей только поднять голову:

Перила расписных теремов, опьянение и сладкие грёзы о бренном мире, о прекрасная дева, отчего ты пьяна и о ком тоскуешь?

Несколько дней её не было видно, а она заявила сюда развлекаться! Сегодня старая госпожа сведет с тобой все счёты.

Заметив внезапное молчание Нин Цайчэнь, Цзю Иэр сперва подумала, что та просто смутилась. Но что это ещё за выражение глаз — полное нежности и в то же время притворно-робкого сопротивления? Не успела она опомниться, как та сорвалась с места и куда-то побежала.

— Эй, подожди меня! — одна бежала впереди, другая неслась следом. Сердитая на подругу за то, что та даже передохнуть не даёт, Цзю Иэр смотрела на стремительно увеличивающееся между ними расстояние с лицом, покрытым черными тучами гнева. Мо Лин все эти дни предавалась разгулу в самом процветающем месте, отвергая любые приглашения и желая лишь побыть в одиночестве. Но сегодня её прервал некто, внезапно ворвавшийся внутрь. Бушующее внутри раздражение достигло предела, однако в тот самый миг, когда она подняла голову, её гнев упал до минус тридцати восьми градусов! Заливаемое в рот вино полилось мимо, словно застыв в кадре, но самого вкуса она так и не ощутила. Кап-кап. Звук падающей на пол жидкости прозвучал на редкость отчетливо.

Нин Цайчэнь молчала уже долгое время, и от этого вида её тоже начинал разбирать збор. Эта девица нагло делала вид, что они не знакомы — поистине непревзойденный навык.

— Эй, ты что творишь? Эй, вино, вино, моё вино! — с недовольством уставившись на неё, она в тот же миг невольно отвела взгляд. Перед ней стояла та самая особа, с которой у неё кое-что произошло в тот день, и хотя поговорить хотелось, ноги сами не шли.

— Ты намерена и дальше тянуть время и вести себя безответственно? — прищурившись, Нин Цайчэнь посмотрела на неё. Скажи эта женщина хоть слово возражения, пожалуйста, завтрашний

день стал бы для неё годовщиной смерти. Слегка нахмурившись, она ждала ответа.

— Нет... — Мо Лин показался слишком свирепым взгляд собеседницы, и все её слова выходили сбивчивыми. Заметив, как помрачнел взгляд той женщины, она невольно приготовилась к буре.

— Трудно сказать, — наконец выдавила Мо Лин, чувствуя себя так, будто по ней проехался каток, и совершенно выбившись из сил. Краем глаза она украдкой оглядела Нин Цайчэнь, уже мысленно смирившись с тем, что сейчас получит нахлобучку и они разойдутся в разные стороны. Но кто-нибудь объяснил бы ей, с чего вдруг эта женщина так внезапно замолчала?

Кто-то говорил, что перед бурей и после неё всегда царит такое затишье...

Нин Цайчэнь ждала, пока та, запинаясь и мямля, наконец договорит. Почему-то в этот момент она не могла произнести ни слова, на душе скребли кошки, но приходилось изображать полное равнодушие.

— Уважаемые гости, милости просим! Красавицы и красавцы на любой вкус, выбирайте кого душа пожелает! Были бы деньги, а разнообразие поз мы вам гарантируем, — хозяйка заведения сияла от радости. Сегодня было полно народу, а значит, удастся знатно подзаработать.

Услышав столь прямолинейные речи содержательницы борделя, Нин Цайчэнь наконец сообразила, где находится, и при мысли об одном обстоятельстве невольно глубоко нахмурилась.

— Ты всё это время торчала здесь? — заметив, что щеки собеседницы в какой-то момент покрылись румянцем — неужели всё обстояло именно так, как она думала? — Мо Лин сжала кулаки так, что отчетливо проступили вены, схватила девушку за руку и потащила в сторону одной из комнат. Вскоре снаружи донеслись возмущенные возгласы: — Черт побери, ты что творишь? Встань!

Оказавшись верхом на талии Мо Лин, она сверху вниз смотрела на прелестное лицо под собой. Пальцы Мо Лин легко коснулись бровей девушки, скользнули с шеи к самому уху, прикусили мочку и, глядя на то, как иступленно дрожит лежащая под ней женщина, удовлетворенно усмехнулись.

— То, что было в тот день... Давай-ка повторим сегодня, а? Как тебе?

— Ты... бесстыдница! — Мо Лин, глядя на навалившуюся на неё женщину, попыталась оттолкнуть её, но боялась причинить вред. Лицо её пылало, и она не знала, как поступить, когда вдруг... — Ах! М-м! — она в спешке толкнула сидевшую на ней девушку. — Какого чёрта, ты что, всерьез?

Она торопливо одернула истерзанное платье, но в тот самый момент, когда всё было

закончено, на неё снова бросились. И на этот раз, как бы она ни сопротивлялась, сдвинуть эту женщину с места не получалось. Нин Цайчэнь посмотрела на продолжающую барахтаться Мо Лин:

— Я же не говорила, что шучу.

Протянув руку, она зафиксировала брыкающуюся девицу — ну просто непослушный ребенок, надо как следует её проучить.

И тут же впилась поцелуем в её губы. Мо Лин осознавала, что они целуются по-настоящему, и хотя разумом она явно сопротивлялась, почему-то... от этого не было противно. Напротив, в душе шевельнулось некое подобие радости. Обхватив Нин Цайчэнь за шею, она помимо воли начала отвечать на её движения.

Нин Цайчэнь посмотрела на женщину под собой и легко улыбнулась. Её пальцы ловко развязали узел, только что завязанный Мо Лин, рука внезапно проскользнула внутрь и сжала мягкую округлость. Ощущения оказались вполне приятными — в тот день ей не довелось так тщательно всё ощупать. И хотя сейчас всё было куда теснее, сжимала она уже не столь нежно, как в первый раз.

Ой, да её саму только что съели!

Цзю Иэр, стоявшая в коридоре, понятия не имела, в какой именно комнате находится Нин Цайчэнь. Она озиралась по сторонам, как вдруг услышала прерывистые звуки. Уловив доносившееся из щели непрерывное шуршание и стоны, она мгновенно оцепенела. Девушка уже собиралась развернуться и уйти, но её словно пригвоздили к месту доносящиеся изнутри голоса.

Этот голос до боли знаком...

Подумав с секунду, она от стыда залилась краской из-за той девичьей стыдливости, что сквозила в звуках, и поспешно бросилась вниз по лестнице, не смея оставаться у двери ни мгновения. Но пока она торопливо спускалась, она не подозревала, что кто-то уже положил на неё глаз.

— Мо Лин... м-м... сделай помедленнее...

— Чего ты в конце концов хочешь — побыстрее или помедленнее?! — Мо Лин посмотрела на Нин Цайчэнь, которая только что с пеной у рта собиралась её подавить, а теперь стояла вся розовощекая. Спор о скорости и темпе зашел в тупик, но размышлять больше было некогда: она плавно подалась вперед, полностью заглушив поцелуем то, что та собиралась сказать.

Свечи в комнате давно погасли, погрузив всё во мрак. Приглушенные, сдавленные стоны

придавали царившей в спальне атмосфере еще больше жаркого пыла. Нин Цайчэнь, вскрикнув, оставила следы от ногтей — которых не стригла уже много лет — на обнаженной спине Мо Лин. Прижавшись лбом к её плечу, она извивалась под ней, а пот градом катился по её лбу от бурных движений. Зажмурив глаза, Нин Цайчэнь чувствовала, как пальцы Мо Лин снова и снова проникают в самое её сокровенное место, и изо всех сил прикусывала губу, чтобы не орать слишком громко.

Похоже, сегодня обе были в полном рассудке, но при этом вытворяли вещи куда более дикие, чем в тот раз. Хотя в темноте Мо Лин не видела лица Нин Цайчэнь, она почувствовала, как та отвлеклась, и её взгляд наполнился недовольством. Движения её пальцев замерли.

— Ты отвлекаешься. Наказание.

С этими словами Мо Лин прикусила её мочку уха, а пальцы продолжили свои бесчинства. Невзирая на тихие, жалобные стоны девушки, темп стал еще яростнее, хватка — крепче, а от стремительных толчков лежащая внизу женщина зашлась еще более громким криком, но останавливаться та не собиралась.

— Мо... Лин, ты... м-м...

Мягкие холмики на груди были грубо смяты чужой рукой, чувствительная мочка уха зажата между зубов и посасывалась, а самое уязвимое место получало удар за ударом. Нин Цайчэнь наконец окончательно погрузилась в пучину безумия — и зачем только её дернуло связываться с этой нахалкой, ведь она же сама собиралась быть сверху!

Она обрывочно выкрикивала имя Мо Лин, перемежая его с жалобными всхлипываниями, и изо всех сил обвила руками её плечи.

— Слиж... а-ах... слишком быстро...

— Кто просил тебя отвлекаться? Наказание продолжается.

Слегка запыхавшийся голос, охрипший от страсти, в такой обстановке звучал невероятно соблазнительно. Прикусывая мочку уха партнерши и не прекращая движений пальцев, Мо Лин прошептала:

— В прошлый раз я толком не распробовала этот вкус... В этот раз... нужно распробовать как следует...

Едва договорив, она продолжала настойчиво надавливать пальцами на самую глубокую точку мягкой плоти. Женщина в её объятиях уже не могла вымолвить ни единого связного слова, лишь теснее прижималась к её телу и изгибалась всем существом, подстраиваясь под её ритм. Наслаждение волной окатило всё тело, самая чувствительная точка получила сокрушительный

толчок, в голове внезапно стало абсолютно пусто, а тело забилося в судорогах. Наконец, обессиленная, она рухнула на постель. Нин Цайчэнь, зажмурив глаза и тяжело дыша, позволяла Мо Лин вытереть пот и прижать её к себе.

На лбу самой Мо Лин тоже блестели капли пота. Подняв руку тыльной стороной ладони, она смахнула влагу и склонилась, чтобы легко поцеловать женщину, которую знала всего во второй раз. Всего два раза, но это было предначертано судьбой. И пусть она понимала, что поступает неправильно, Мо Лин всё равно решила заблуждаться снова и снова. Глядя на заснувшую от усталости девушку, она невольно коснулась её бровей и глаз, а её взгляд переполнился бесконечной нежностью.

Что же делать... этот вкус, кажется, уже невозможно забыть.

— Господин Чжан, что с вами?

Оторвав взгляд от Цзю Иэр, содержательница заведения повернулась к собеседнику.

— Эта девчонка мне нужна.

Его безапелляционный тон еще не успел уложиться в голове у хозяйки, как мужчина уже вальяжно прилег на стоявшее рядом мягкое кресло, прикрыв глаза.

Проследив за взглядом, куда только что указал Чжан Жоцзюнь, она остолбенела. Какая видная девица! Сколько лет она здесь проработала, кого только не повидала — и пышек, и худышек, с самыми разными изюминками, но в последние дни ей то и дело попадались на глаза на редкость хорошенькие девушки...

— Что надумал? Называй цену.

Полуприкрыв глаза, полулежавший рядом Чжан Жоцзюнь смотрел на неё взглядом собственника. От этого взгляда содержательнице стало крайне неудобно, но поделать она ничего не могла — девчонку было искренне жаль.

— Господин Чжан, эта особа — не из девушек нашего павильона Лунхуа. Если действовать напролом, боюсь, выйдет нехорошо.

Уголки губ Чжан Жоцзюня изогнулись в многозначительной улыбке:

— Хозяйка, с каких это пор вы стали такой добродетельной? Скажу вам прямо: если сегодня же эта девица не окажется в моей постели... — он слегка постучал пальцами по столу, и стук резко оборвался, — то пеняйте на себя, этому заведению здесь больше не стоять.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, женщина прошипела в спину: «Уж явись вовремя, молодой господин, чтобы гость остался доволен». Когда же силуэт окончательно скрылся, она подумала: «А всё потому, что твой отец служит при императоре! Стоит тебе оторваться от отца, и ты — ничтожная, безнадёжная развалина». Заметив спускающуюся вниз Цзю Иэр, хозяйка перебросилась пара слов со слугой и направилась прямо к ней. Ей стоило лишь приблизиться, как у Цзю Иэр внезапно страшно закружилась голова. Она попыталась что-то сказать, но бессильно рухнула прямо в объятия содержательницы борделя.

Острая головная боль хлынула волной, тело ломило от недомогания. Цзю Иэр резко распахнула глаза, и в её взгляде мелькнули растерянность и изумление. Где это она?

— Девушка, вы наконец очнулись! Спали бедняжка так долго, — увидев, что «Цзю Иэр» пришла в себя, хозяйка с чашкой горячей воды в руках тут же подбежала к кровати и принялась суетиться с расспросами.

Оглядев изменившуюся обстановку и уставившись на болтающую без умолку дородную женщину, Цзю Иэр окончательно замерла на месте. Что здесь, черт возьми, происходит?!

<http://bllate.org/book/20980/2129858>